

Цыганское счастье.

Камень-на-Оби, город, в котором они жили до этого: двести километров до Барнаула, двести километров до Новосибирска. А сейчас они были здесь, на Оби же, но про эти места эти раньше, даже не слышали никогда.

Баржу каменцев-спецпереселенцев причалили к берегу только вечером. Конвой сказал, что всё, приехали, дальше не поплывут, а завтра всех выгрузят и распределят, кого куда – ждите. Спецпереселенцев-горемык с Алтая было много, в основном с детьми, как и они, дорога заняла почти две недели.

Было голодно и холодно, как и вчера, и позавчера, а сегодня ещё с самого утра, малость моросило. Вылезать из трюма ему самому не хотелось и ребятишек вывезти на свежий воздух в такую погоду, нельзя. Ребят было шестеро, своих двое, и родной сестры четверо, умерла она, и муж её пропал неизвестно где и как, так и плыл весь табор сюда, и как будет дальше – никто не знал.

Есть было уже давно нечего, всё, что захватили с собой, было почти съедено ещё где-то около Могочино, как быть дальше, Никифор не знал, и никто не знал и не ведал.

Густо наплыл вечер, но небо стало, наконец, то прояснивать, и потихоньку в трюме все затихли: и свои, и чужие, и взрослые, и дети. Нет. Надо что делать, так и умереть можно, старшая Людка уже совсем сникла, уже не зыркает глазёнками, как раньше, всё больше молчит и ни о чём не спрашивает. Надо доставать какую ни будь еду. Деньги кое-какие, были, как ни как, человек он был мастеровой. С этим он и залез на своё привычное место, рядом с такими же, как он, решив – утро вечера мудренее.

Да... ещё месяц назад всё было по-другому. Город на берегу Оби был богатым, и главное – сытным. Весь его “табор” жил одной весёлой и счастливой жизнью: бегал, ползал, смеялся, а бывало, и ревел. Но как же это было далеко и давно, кажется, сто лет назад.

Никифор был мастеровитым человеком, руки были там, где надо, и голова была. Дом был справный, стоял недалеко от Богоявленского храма, место красивое и людное, работы ему хватало всегда: и паять, и лудить, налаживать не только часы “ходики”, но даже карманные, а главное, ремонтировать швейные машинки, которых в Камне было великое множество. Покупали мужики алтайские и американские Зингеры, и Кайзеры, и машинок многих других марок, было достаточно. Машинок много – значит и работы ему всегда хватало. И деньги в доме водились – достаток.

Потом вдруг, в один миг, налетела беда – пришли какие-то незнакомые люди и сказали, что гражданин Тяйлев Никифор Сергеевич, чуждый элемент, обирает трудящихся, и за это, непременно, надлежит высылки на Север, со всей своей семьёй. Объявив это, приказали быть собранными через день, к утру. С собой взять только самое необходимое, если много будет всего, выбросим безжалостно, сказали пришедшие и ушли. Семья выслушала всё это молча, она, как онемела, испуганные ребятишки ничего не понимали, но уже тихо заплакали.

Утром стали кое-как собираться-укладываться, отбирать вещи и на себя, и на хозяйство будущее, неведанное ещё, и ребятне надо было всё собрать.

Родственников в городе не было, и в округе никого. Приходили соседи, да чем они помогут? Только и могли мужики, что повздыхать и покурить, да бабы пореветь, а ребятня – затихла...

Потом, как обещали, пришли те самые незнакомцы, осмотрели всю поклажу и велели садиться на подводы, и поехали они от брошенного пустого дома, своего добра, не весть куда, и подумал Никифор, что, наверное, это только начало...

Он не ошибся тогда и сейчас решал, что делать дальше – на “завтра”, их почему то никто не “распределял” и не кормил никто, как обещали вчера. Дождик прекратился полностью. Сосед по трюму сходил в село на горе и сказал, что если есть деньги, то там, на горе стоит лавка, и в ней можно сделать покупки. Деньги ещё были, Никифор положил их в разные карманы, взял чистый холщовый мешок и сказал Наталье, что через час-другой вернётся.

– Наташа, я пойду, а ты смотри за ребятнёй, я долго не буду, не плач, всё будет хорошо. С тем и пошёл в не так далёкое видневшееся село на горе.

На горе и вправду стояла маленькая лавка, но закрытая на замок. Никифор походил-походил туда-сюда, спросил какого-то мужика, скоро ли откроют лавку, но тот и сам ничего не знал. Немолодая проходящая мимо тётка посоветовала не ждать – не стой, говорит, сегодня работать не будет.

Никифор никогда не курил и стал смотреть по сторонам и думать, как теперь быть и что делать. Место, где он сейчас стоял, было примечательное – почти одни двухэтажные дома. Людей не видно, только около ближайшего дома была коновязь с двумя привязанными за уздечки конями, да пацан в большой кепке, который сидел на толстом бревне и строгал ножиком палку. Здесь же, прохаживалась какая-то женщина, и, кажется, женщина не простая – лет двадцати пяти-тридцати, самая настоящая цыганка, на коих он наглядился у себя на городе. По всему было видно, что она какого-то ждала, всё посматривая в сторону двухэтажного дома, хотя время от времени бросала взгляд и на него. На ней была широкая чёрная юбка с крупными алыми цветами, длинные чёрные волосы, красные бусы и большие серьги, ростом она была не большая.

– Эх! Была, не была, попробую. Баба она, видать, пробивная, повидавшая всего, обмануть меня она всегда сумеет, но не стоять же здесь, дожидаясь, неизвестно чего. Женщины говорят, что когда цыганка колдует – все идут к ней и никуда не могут потом от неё деться. Вот и мне деваться некуда.

Сейчас она глядела прямо на него.

– Чего хочешь, парень? Чего так смотришь на меня? В петлю попал? Говори.

– Здравствуй, не знаю, как тебя зовут – он подошёл к ней – беда у меня. И не знаю, как мне быть. Помоги, если сможешь.

– Не стесняйся, ромалэ, говори, кудрявый.

И Никифор не тая поведал о себе всё, кто он, откуда привезли, рассказал о Наталье, которой в августе рожать, о малых, которые все вместе ждут его – рассказ получился не длинный, короткий, можно сказать.

– Дуся я, цыганка представилась, выслушав его. Ладно, не такие шали рвали, рвали полушалочки. Пошли со мной, червонный туз. Что ни будь, да придумаем.

Ладно. Пан или пропал. Хоть и не рисковый был человек Никифор, но деваться было не куда.

Какой-то человек в синих форменных штанах и в гимнастёрке с накладными карманами подошёл к Дусе. Был он не стар, высок, с прямыми плечами, рыж и конопат немного, красноватая кожа, туго обтягивала скулы. Долго они не говорили, потолковав о чём-то с Дусей, зашёл в двухэтажное здание. «Комендатура», прочитал рубленное красное слово Никифор, когда потом проходил мимо.

– Эй, красавец, я пошла, ждать тебя не буду. Пойдёшь прямо по этой улице, не сворачивая, километра два, не больше. Слева под горой, увидишь двухэтажный дом, там и найдёшь меня,образишь, и она, покачиваясь, не спеша пошла через дорогу.

Будь, что будет, сказал себе Никифор, и двинулся следом.

Чего же он в комендатуру зашёл, кто же он такой – думал Никифор о конопатом. Цыганок он насмотрелся у себя дома, от них всякого можно ждать, всякое рассказывали и не раз. Ладно, иди и не разговаривай умник, сказал себе Никифор. Около закрытой, но красивой церкви, он сотворил молитву: *«Хлеб наш насущный дай нам на сей день»* - дошёптывали его губы слова молитвы – *«и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого»*. Натянув картуз, он пошёл дальше, куда сказала цыганка.

Худые мысли нет да нет, сами всплывали в голове. Дорога повернула влево и чуть под гору. Слева же, время от времени, появлялись чёрные двухэтажные дома, – нет, это не мои, говорил себе Никифор, и шёл дальше.

Па-ра-бель, такое необычное название имело это село, и как, интересно, как всё устроится здесь, как будем теперь жить, ласковой ли станет эта земля, или будет и дальше испытывать судьбу и так, и этак. Чем же прогневил я тебя, Господи? Эти и подобные мысли, не переставая роились в его голове всю неблизкую дорогу.

Ну вот, кажется, пришёл, вот и дом, о котором говорила Дуся, *«спаси и помилуй, Господи»*. Он приоткрыл калитку и зашагал к крыльцу. Интересно, даже цветы росли здесь, и много цветов, и разных... Огород был большой и мягко спускался своими картофельными рядами и грядками к неширокой, протекавшей здесь же речке. Он подошёл к крыльцу и остановился. Здесь ли его ненаглядная Дуся или шутканула она. Он пригладил на себе косоворотку, одёрнул почти новый пиджак и уже собрался постучать в дверь, как дверь сама открылась и за порог шагнула Дуся, во всей своей цыганской красе, с какой-то цветастенькой тряпицей в руках.

– Явился! Вот и хорошо, давай-ка свой мешок. Она развернула его, осмотрела и достала из своей тряпицы большой каравай домашнего хлеба, кучу запашистых печенюшек, кулёк конфеток и целый пук зелёного лука.

– Соль то есть?

– Есть-есть, скороговоркой сказал Никифор, есть соль, из дома везём.

– Здесь теперь твой дом. А что ещё, кроме соли то есть?

– Да больше то и ничего, однако, и не будет, виновато развёл руки Никифор.

Дуся сходила на огород и принесла ещё полтора-два десятка огурцов.

– Ну, и меня, однако, тоже ничего больше нет. Она взяла протянутые Никифором деньги и спрятала их на груди.

– Ладно, иди красавец, иди, поспешай по-маленьку, там твоя дорога.

Благодаря и кланяясь, Никифор вышел за калитку, почти столкнувшись с высоким, уже встречавшимся ему, человеком, в синих галифе.

Никифор кивнул ему головой и заторопился обратной дорогой, удобнее перехватывая уже не пустой мешок.

– Эй, переселенец, подожди, вернись-ка давай! Иди сюда, не бойся – это был Дусин хрипловатый голос. Рядом с ней стоял человек в гимнастёрке с накладными карманами и смотрел на него небольшими, круглыми, голубыми глазами.

Всё упало внутри переселенца – нарадовался на свою беду, называется, дело сделал, обормот и глупая башка, успел-таки он сказать себе. Он повернулся и обречённо вновь открыл калитку. Лицо пылало. Он приготовился отдать цыганке мешок, но та почему-то широко заулыбалась.

– Не дрейфь. На, бери ещё! Хозяин велел. Она взяла с не крашенной выщербленной широкой лавки штук пять-шесть вяленых щук, десятков таких же язей и подъязков и ещё каравай хлеба, поменьше первого и всё засунула в его мешок.

– А это возьми обратно, она протянула свёрнутые его же деньги, бери-бери и поспешай на баржу, поди потеряли тебя уже.

Никифор вскинул голову, человека в синем галифе уже не было, наверное, он уже зашёл в дом.

– Милая, век не забуду тебя! Спаси Бог тебя Дуся! Спасибо передай обязательно мужу твоему.

– Не муж он мне, домработница я у него, если тебе интересно знать, да ладно, иди.

Теперь дорога показалась намного короче, тучки всё реже и день светлее, и птицы стали перелетать туда-сюда, и люди стали попадаться чаще. Обратный путь до комендатуры он прошёл, не заметив, а до Оби дошагал в одну секунду.

Наталья со всей ребячней уже ждали его на барже, и улыбались, углядев не пустой мешок в за спиной.

– Ну, табор, чистый табор, смеялись Никифоровы глаза.

Цыганку он больше не встречал, расспрашивать было не у кого, а вот пластинки с песнями и романсами Вали Дмитриевич, а потом Ляли Чёрной, лежали у них всегда на комоду в коробке с другими граммофонными пластинками, под белой, вышитой большой салфеткой. Иногда Никифор заводил патефон и лилась песня: *две гитары зазвенев, жалобно заныли...*